

ОЛЕГ ЯНКОВСКИЙ:

«Я НЕ СОБИРАЛСЯ БЫТЬ АРТИСТОМ»

23 февраля отметил свой юбилей актер, которого безумно любят зрители, превозносят маститые режиссеры и восхваляют критики. Это народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР, РСФСР и РФ Олег Иванович Янковский. Ему исполнилось 65 лет, 40 из которых он отдал театру и кино.

В день своего 65-летнего юбилея Олег Янковский был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени.

Президент России Дмитрий Медведев лично позвонил артисту, поздравил его с днем рождения и сообщил о высокой награде.

Президент отметил, что яркие образы, которые Янковскому удалось создать на сцене, завоевали любовь многих поколений зрителей. Кроме того, российский президент и сам относится к числу поклонников творчества артиста.

— Олег Иванович, как рождаются ваши роли? Сколько в этих образах вашей импровизации, а сколько воли режиссера?

— Чаще всего создаваемые образы — это наш общий труд, который непременно несет в себе отпечаток индивидуальности актера. Мне везло с режиссерами. Мы почти всегда работали вместе и всегда понимали друг друга. А вообще, мне процесс подготовки к роли нравится даже больше, чем сама съемка. Внимательно, по сто раз перечитываешь каждую фразу и постепенно понимаешь, как именно ее надо сказать. И фраза за фразой, шаг за шагом перед тобой, как в кино, появляется образ человека, которым ты скоро станешь.

— Ваша самая пронзительная роль — мятежный, отчаявшийся романтик Макаров в фильме Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву». В вашей жизни такого состояния отчаяния не было?

— Наверное, нет, но... актеры подвержены разным депрессиям. У нас же все построено на нервах. Меня, видимо, спасало то, что я много работал. А вот актеру, который был востребован, а потом забыт, приходится невыносимо трудно. Актер — профессия публичная: он на вершине счастья, когда его останавливают на улице, берут автографы, кричат «Браво!» после спектакля, и вдруг — все кончилось! Пережить это бывает невозможно. Сколько актеров из-за этого ушли из жизни. К счастью, у меня востребованность оставалась даже в трудные для страны времена. А это самое большое счастье — востребованность.

— Олег Иванович, в новом фильме вы исполнили роль отца Фрэда, юного неформала, а сами-то были щеголем и стилигой?

— Недолго (смеется). Я эту моду мальчишкой застал в Минске, 9-й и 10-й классы. Стилягами модных молодых людей называли только в СССР. Для Запада этот стиль был естественной жизнью. А у нас это выросло в движение протеста против серости.

— Чтобы быть непохожим на других, надо же было напрячься, усилия стилиста какие-то приложить.

— Безусловно. Наваривали подшвы на башмаки. Ушивали брюки, пиджаки клетчатые покупали на несколько размеров больше, чтобы широкие плечи были. И коки на голове. У некоторых даже

Исполнил главные роли в фильмах «Служили два товарища», «Щит и меч», «Сладкая женщина», «Мой ласковый и нежный зверь», «Влюблен по собственному желанию», «Полеты во сне и наяву», «Обыкновенное чудо» и «Тот самый Мюнхгаузен». Потом были «Поцелуй» и «Крейцера соната», «Паспорт» и «Цареубийца» и еще много других лент. Всего Олег Янковский снялся более чем в 100 фильмах.

Он и сам попробовал себя в качестве кинорежиссера, сняв чудесный рождественский фильм «Приходи на меня посмотреть». И уже в нынешнем году, сыграв лишь в ма-

леньком эпизоде в нашумевших «Стилягах», вновь сорвал заслуженные аплодисменты.

Но все же родным домом Янковского остается «Ленком». Здесь им гордятся и бесконечно дорожат. Уважают за справедливость, доброту, самоиронию и неизбывный жизненный оптимизм. Вот почему, когда Олег Иванович после некоторого перерыва, связанного с лечением, перед своим юбилеем вновь появился в спектакле «Женитьба», все ленкомовцы испытали истинное счастье. И надежду на то, что Янковский победит болезнь, обязательно поправится, и все опять будет хорошо.

какая-то философия была. Разумеется, музыка, рок-н-ролл, буги, записи на рентгеновской пленке. И самое главное — шатание по Бродвею, так в каждом городе, в том числе и в Минске, центральную улицу называли. Курили небрежно, чтобы взрослым казаться и буржуазными.

— Из каких источников вы черпали информацию об этой роскоши? Кино? Литература?

— Да какое кино? Упаси бог! Это подсказывало массовое сознание. Компания жила одним духом. Знакомились на этом Бродвее. По одной стороне только стилиги и ходили. А люди как-то шарахались от них, переходили на другую сторону.

— Выпивали стилиги?

— Курили. Но выпивать в 16 лет тогда было ненормально.

— А девочки-стиляги были?

— Да. Но все у нас было очень целомудренно и чинно.

— А они в чем ходили?

— Тапочки какие-то, легкие платица. Все самодельное, нелепое. Ничего импортного у нас не могло быть. Не на что было купить.

— А ваш сын не попадал под очарование какого-то движения?

— К счастью, не было.

— Как вам показалось, этот фильм правильно воспроизводит атмосферу того времени? Мне

помнится, что та действительность была унылее, было время идеологического прессинга. Вы лично верили в высокие идеалы, в светлое будущее, в коммунизм?

— Хочешь — не хочешь, но мы — продукт своего времени. И все же я не верил. Потому

что мой отец был репрессирован...

— В момент увлечения миром стилиг вам уже казалось, что буржуазный мир более свободный, чем тот, который окружает вас?

— Понимание происходило на подсознательном уровне. Выез-

дов-то не было. Польша-то, допустим, от нас не отличалась, и даже ГДР не очень. Самое большое потрясение от капитализма я получил, когда снимался у Тарковского в «Ностальгии» — на полгода шикарные отели, Рим, Флоренция...

— Вы тогда реально почувствовали ностальгию?

— Всякий раз по возвращении из-за границы у меня жуткая депрессия была. Не думаю, что только у меня. Когда въезжаешь в темную Москву, грязную, с пустыми магазинами, какая ностальгия? Обида была: почему у нас так все нелепо и скучно?

— Можете сравнить себя, 20-летнего студента, с сегодняшним московским пареньком?

— Моему внуку 18 лет, я могу судить по нему. Это совершенно другие люди. Они более информированы о мире. Хотя более поверхностны: зачем читать «Войну и мир», когда в Интернете есть краткое содержание? Вот я не владею компьютером да и в телефоне не всегда могу разобраться. Внук смеется надо мной. И внучка, которой 13 лет. Мы в этом смысле покажемся дикими людьми, но зато в душе чище. У них глаза другие, в них детскость стерта. Они уже взрослые изначально.

— Помните первое в вашей жизни культурное потрясение? Это было кино, книга, музыка?

— В Саратове на первом этаже жил сосед. За оконной занавеской мелькал какой-то экранчик. Потом объяснили, что это телевизор. Как это может быть? Кино? Дома? Это как-то не укладывалось в голову.

Я часто прогуливал школу — вместо уроков шел на 9 утра в кино. «Чапаева» смотрел не помню сколько раз. Вот это тоже было серьезным потрясением. Театр меня не потряс. Я вообще не собирался быть артистом. Меня больше футбол интересовал.

— Можете сказать, что талант всегда пробьет дорогу? Или все-таки тут нужно вмешательство судьбы?

— Судьба, наверное... У меня вообще отсутствует свойство пробить что-то.

— Плакали в кино когда в последний раз?

— «Мюнхгаузена» показывали. Я включил, и так защемило в некоторых местах. И, конечно, когда пересматриваю «Полеты во сне и наяву», там тоже комок в горле. «Над вымыслом своим слезами обольюсь» — вот это теперь я понял буквально.